

ВИТАЛИЙ ДЫМАРСКИЙ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ЖУРНАЛА «ДИЛЕТАНТ»

ПОЛИТИК,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

ВЛАДИМИР РЫЖКОВ

Б Е Л Ы Е П Я Т Н А ВТОРОЙ МИРОВОЙ

КНИГА ПО МОТИВАМ
ПРОГРАММЫ «ЦЕНА ПОБЕДЫ»
НА «ЭХО МОСКВЫ»

ДИЛЕТАНТ

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

Дилетант

Виталий Дымарский

Белые пятна Второй мировой

«ЭКСМО»

2018

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

Дымарский В. Н.

Белые пятна Второй мировой / В. Н. Дымарский — «Эксмо»,
2018 — (Дилетант)

ISBN 978-5-04-096028-6

Владимир Рыжков и Виталий Дымарский представляют совместный проект радиостанции «Эхо Москвы» и журнала «Дилетант» – новую книгу о неизвестных страницах Второй мировой войны. Вы узнаете о том, что представляли собой в те годы Государственный комитет обороны и ГУЛаг, какова была роль женщин в Красной Армии и в чем заключалась работа иностранных военных корреспондентов в Москве. Историки расскажут о 28 панфиловцах и героях «Молодой гвардии», бытовой стороне войны и не столь широко известных, но весьма значимых фигурах того времени – Роберте Лее, Эдварде Бенеше и Гарри Гопкинсе, а также дополнят новыми фактами биографии Гитлера, Муссолини, де Голля, Власова и Сталина.

УДК 94(100)"1939/45"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-04-096028-6

© Дымарский В. Н., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

1. Американский государственный деятель. Гарри Ллойд Гопкинс	6
2. Шарль де Голль	14
3. Послевоенный Сталин	21
4. Гитлер: анатомия зла	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Виталий Дымарский, Владимир Рыжков

Белые пятна Второй мировой

© Дымарский В., 2018

© Рыжков В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

1. Американский государственный деятель. Гарри Ллойд Гопкинс

Владимир Печатнов, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО, заслуженный деятель науки России

Гарри Ллойд Гопкинс – американский государственный и политический деятель, реформатор, один из главных творцов «Нового курса» Франклина Рузвельта и его ближайший соратник. Вклад Гопкинса в масштабную антикризисную социально-экономическую политику Рузвельта поистине неоценим. Кроме того, этот человек прославился своим дипломатическим участием в войне, где его деятельность напрямую затронула миллионы людей и оставила большой след в истории: Гопкинс сыграл значительную роль в создании антигитлеровской коалиции США, СССР и Британской империи.

Гарри Гопкинс родился 17 августа 1890 года в очень простой семье, жившей в сельскохозяйственной глубинке штата Айова. Его отец не имел стабильного заработка и часто менял место работы. Тем не менее Гарри учился неплохо и сумел поступить в Гринеллский колледж, славившийся своими либеральными традициями. В стенах этого учебного заведения в разное время воспитывались люди, которые в дальнейшем посвятили себя проблемам общества и социальной работе. Вот и Гарри Гопкинс, окончив Гринеллский колледж, пошел именно по этой стезе. Сначала молодой человек работал в благотворительных организациях – в основном в штате Нью-Йорк и в самом городе. Хотел еще отправиться добровольцем на Первую мировую войну, но его не взяли из-за слабого здоровья.

Тогда Гарри Ллойд Гопкинс занялся мирной социальной, в определенной степени подвижнической работой: во всей Америке, а особенно в Нью-Йорке, в 20-е годы XX века было много бедных иммигрантов, которые остро нуждались в помощи. На эту деятельность Гопкинса сподвигло во многом то, что он был человеком левых либеральных убеждений, сочувствующим всем слоям населения, особенно обездоленным. Кроме того, так в полной мере могли проявиться его природные организаторские способности. Гарри Гопкинс, безусловно, был прекрасным организатором: умел наладить любое дело, особенно связанное с взаимодействием большого количества людей, мог мотивировать их и заставить работать во имя общей цели. Социальная служба стала для Гопкинса большой отдушиной, он вкладывал в нее очень много сил. Такая работа многим казалась неблагодарной, однако именно на этом поприще молодого самоотверженного либерала рассмотрел Франклин Рузвельт.

Как известно, Франклин Делано Рузвельт с 1928 года занимал пост губернатора штата Нью-Йорк, страдавшего в то время от огромного количества острых социальных проблем. Более того, в 1929 году в США началась Великая депрессия – тотальный кризис, сопровождавшийся массовой безработицей. В сложившейся ситуации губернатору-демократу как нельзя кстати пришлось таланты и профиль деятельности Гарри Гопкинса. Рузвельт, зная Гопкинса заочно, пригласил его на работу в Федеральную чрезвычайную организацию помощи – Комиссию при губернаторе, занимавшуюся оказанием помощи людям, находящимся за чертой бедности, не имеющим работы и страдающим от иных социальных проблем. Именно с этого момента начинается непосредственное сотрудничество будущего президента Соединенных Штатов Америки и Гарри Гопкинса.

Гарри Гопкинс и президент Франклин Рузвельт

В то время Гопкинсу было 43 года. Он был довольно яркой фигурой, колоритной личностью, которая привлекала к себе множество людей. Ему всегда удавалось создать вокруг себя группу преданных последователей, работавших чрезвычайно эффективно.

В марте 1932 года Франклин Рузвельт идет на президентские выборы с программой выхода из кризиса под названием «Новый курс», в рамках которой особое внимание уделялось людям, ставшим жертвами Великой депрессии. Поскольку главной сферой деятельности Гопкинса были общественные работы, здесь его опыт опять оказался очень кстати.

В новой президентской администрации Рузвельта Гарри Гопкинс занял должность руководителя администрации по обеспечению работой (Works Progress Administration), основной целью которой было обеспечение максимальной трудовой занятости населения.

Вместе с Рузвельтом Гопкинс разработал программу с бюджетом почти пять миллиардов долларов, по которой безработные люди привлекались к общественно-полезной работе по строительству дорог, муниципальных зданий, банков, школ, аэропортов и т. д. Кроме того, свою функцию начали выполнять трудовые лагеря для молодежи на свежем воздухе, где ребята получали специальность, а затем работали.

Поразительна активность, с которой Гарри Гопкинс участвовал в государственной деятельности, будучи при этом фактически инвалидом. Из-за рака ему вырезали почти весь желудок, и он так и не смог до конца оправиться, потому что постоянно нуждался в инъекциях, капельницах и переливаниях крови. Однако это не мешало ему очень эффективно работать: не случайно один из журналистов того времени назвал его «шесть футов и 60 килограммов чистого адреналина». Гопкинс был человеком неумной энергии, настоящим жизнелюбом.

Гарри Гопкинс любил красивых женщин (у него было три жены) и развлечения, что сближало его с Рузвельтом, тоже, к слову, инвалидом. Оба политика были любителями интересных историй, анекдотов, азартных игр, часто проводили время вместе, особенно после того,

как Гопкинс фактически поселился в Белом доме, что было уникальным явлением для того времени.

В 1940 году, в критический для США предвоенный период, Гарри Ллойд Гопкинс становится специальным помощником президента. Франклин Рузвельт уже тогда начал активно привлекать Гопкинса в качестве советника по военным вопросам. Разумеется, Гопкинс играл роль не военного стратега, а незаменимого и доверенного помощника президента по подготовке страны к войне. Так, однажды придя к Рузвельту на ужин, Гопкинс остался в резиденции первого лица государства на три с лишним года. Он сопровождал президента в поездках в его имение Гайд-Парк на реке Гудзон и был при нем практически постоянно, став таким образом уникальным по влиятельности человеком, необыкновенно тесно связанным с главой государства.

Чем можно объяснить такое сильное влияние Гарри Гопкинса в Белом доме: психологической зависимостью Рузвельта от своего помощника или исключительным интеллектом и работоспособностью Гопкинса? На самом деле свою роль здесь сыграли и расчет, и эмоции. Расчет заключался в том, что Рузвельту с его массой невоплощенных идей оказались весьма полезны и даже необходимы деловые качества Гарри Гопкинса. Гопкинс не был мыслителем, зато умел переводить весьма расплывчатые идеи президента на язык конкретных действий и претворять их в жизнь. Взявшись за дело, он умело обходил запутанные бюрократические препоны и мог, минуя кабинет министров, наладить реализацию тех или иных программ, зачастую весьма масштабных.

Кроме того, Гарри Гопкинс служил Рузвельту связующим звеном с окружающим миром и ключевыми фигурами того времени. Советник президента первым познакомился с британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем в июле 1940 года – Рузвельт с ним тогда еще не встречался. Именно первые впечатления Гопкинса о Черчилле оказались очень важными. То же самое было и со Сталиным: в конце июля – начале августа 1941 года, в критический момент для Советского Союза, Гопкинс совершил первую поездку в СССР. Иными словами, Гарри Гопкинс несомненно являлся правой рукой президента США и его доверенным лицом во всех важнейших государственных вопросах.

Что же касается чувств, то между Рузвельтом и Гопкинсом была, безусловно, какая-то эмоциональная близость. Гопкинс стал для президента постоянным компаньоном: у них было много общего, и они часто хорошо проводили время вдвоем, рассказывая друг другу разные истории.

Существует версия, что Гарри Гопкинс был советским агентом. Однако на деле она не подтверждена никакими серьезными документами – в лучшем случае можно говорить о том, что Гопкинс был кем-то вроде агента влияния, то есть информация, которую он гипотетически мог передавать, возможно, использовалась советскими властями. Убедительных подтверждений этому также нет, кроме одного-единственного факта. После военного совещания в мае 1943 года было принято решение об отсрочке открытия второго фронта. Согласно изысканиям одного довольно уважаемого американского военного историка, Гарри Гопкинс, который присутствовал на этом совещании (как и почти на всех военных совещаниях того времени), впоследствии якобы раскрыл какие-то детали заседания в беседе с советским военным атташе Беляевым в Вашингтоне. Разумеется, данный случай ничего не доказывает, хотя и заслуживает отдельного внимания.

Франклин Рузвельт понимал и чутьем и рассудком, что Второй мировой войны не избежать и что США рано или поздно придется вступить в нее. Это хорошо понимал и Гарри Гопкинс. Здесь, как и во многих других вопросах, президент и его советник мыслили в унисон, и в этом была сила Гопкинса: он прекрасно знал, чем дышит и о чем думает глава государства. Поэтому и Рузвельт как политический и государственный лидер, и его ключевой помощник Гопкинс прекрасно осознавали, что страну необходимо подготовить к большой войне, прежде

всего в материальном плане. Настоящая американская военная программа – масштабная мобилизация промышленности – началась еще в конце 1939 года, а широкая программа конверсии стартовала уже после вступления США в войну – к началу 1942 года она была полностью запущена.

Однако готовить Америку к войне нужно было и политически, и психологически: до сих пор страна жила, руководствуясь так называемой политикой изоляционизма, то есть минимального участия в международных делах. Идея воевать в далекой Европе или в чужой и непонятной Азии была неприемлема для большинства американцев, поэтому Рузвельт и Гопкинс, который тоже очень хорошо понимал, чем дышит страна, постепенно, маленькими последовательными шагами приближали вступление США на тропу войны, и в этом смысле это была довольно тщательно спланированная еще и политическая стратегическая операция.

Жестокое и внезапное нападение японцев на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года значительно содействовало вступлению США в войну: после этого инцидента уже не было никаких сомнений, что Америка должна ответить силой на силу, должна воевать. Впрочем, еще до Перл-Харбора, после вступления в войну СССР, в июле 1941 года Рузвельт дал указание своим военным составить план того, что потребуется для противостояния с Германией.

У президента Рузвельта были проблемы с Конгрессом: изоляционисты и настроенные против участия в войне в Европе республиканцы тогда были достаточно сильны. Даже закон о ленд-лизе (программе поставок боеприпасов и продовольствия странам-союзникам), в обсуждении которого участвовал и Гопкинс, был принят с большими дебатами и далеко не при подавляющем большинстве проголосовавших за него.

Именно в Конгрессе произошло примечательное событие, сыгравшее в дальнейшем большую роль в войне: оппозиция, прежде всего республиканцы, ратовала за то, чтобы СССР был исключен из списка стран, на которые может быть распространен ленд-лиз. Гопкинс и Рузвельт через своих людей в Конгрессе сумели настоять на том, чтобы этого исключения не случилось и чтобы список стран – получателей помощи остался открытым. Так осенью 1941 года эта карта сыграла в пользу СССР.

Реакция американцев на войну была несколько замедленной по сравнению с англичанами. Во-первых, США никогда еще толком не воевали с другими государствами, а во-вторых, у них не было такого дипломатического задела в отношениях с Советским Союзом.

На тот момент советским послом в Англии был Иван Михайлович Майский, через которого англичане уже тогда предлагали СССР определенные услуги на случай войны. Майский имел выход на Черчилля и британский кабинет министров, где уже активно прорабатывались идеи относительно войны с фашистской Германией, поэтому процесс предоставления помощи пошел довольно быстро.

В Штатах ситуация была совершенно иная: американцы почти ничего не предлагали СССР на случай вступления в войну. После начала военных действий советский посол Константин Уманский пять дней не получал никаких установок из Москвы насчет того, как вести себя в сложившейся обстановке, из-за чего откладывал встречу в Белом доме. Только 26 июня 1941 года произошла первая встреча Уманского с Самнером Уэллесом, который формально был первым заместителем госсекретаря, но на деле руководил Госдепартаментом. С самим Рузвельтом Уманский встретился лишь в начале июля, и тогда президент дал зеленый свет конкретным действиям по поводу начавшейся войны и американской помощи СССР.

29 июня Уманскому поступило первое более-менее конкретное указание из Москвы относительно того, что необходимо Советскому Союзу: очень краткая заявка с просьбой о выдаче кредита на пять лет. За этим последовали долгие переговоры.

Рузвельт, как и многие к тому времени, знал, что нападение на СССР неизбежно, эти сведения долгое время просачивались по многим каналам. Президент никогда не верил в то,

что советско-германское согласие и взаимодействие сохранится надолго, поэтому для него германо-советская война не стала большим сюрпризом.

Другое дело, что программы подготовки к войне, которые развивались на тот момент в США, носили весьма осторожный характер. Большинство сотрудников Государственного департамента считали, что Советский Союз будет в лучшем случае попутчиком и не имеет никакого смысла вкладывать в него значительные ресурсы, поскольку он через два-три месяца неизбежно падет и достанется на растерзание немцам.

Рузвельт в ходе личной встречи сказал послу Уманскому, что вопросом помощи СССР будет заниматься Гопкинс и говорить обо всех делах нужно именно с ним. Через несколько дней после встречи с президентом советский посол встретился с Гарри Гопкинсом, а затем сообщил в Москву, что Гопкинс действительно может помочь.

Гопкинс был человеком дела: никаких сантиментов, никаких дипломатических протокольных препятствий. Черчилль называл его «лорд Суть Дела», имея в виду человека, который зрит в корень любой проблемы и в состоянии сразу понять, что в сложившихся обстоятельствах главное и как нужно действовать. Именно с этого момента Рузвельт и Гопкинс стали главными сторонниками советского ленд-лиза, хотя Америка сама еще была недостаточно готова к войне и ей, особенно после Перл-Харбора, необходимо было решать собственные неотложные проблемы.

После визита в Лондон Гопкинс прилетел в Москву. Идея этой поездки была во многом его собственной, хотя Майский всегда считал, что именно он подтолкнул к ней американца. Гопкинс отправил Рузвельту телеграмму из Англии: он был намерен слетать в СССР и поддерживать советское государство. Президент США воспринял идею с энтузиазмом, однако не дал Гопкинсу никаких конкретных инструкций, что лишний раз доказывает, насколько президент доверял своему советнику и его суждениям.

Рузвельту было важно мнение Гопкинса об атмосфере и настроениях в Москве. Несмотря на то что в СССР советник президента США не увидел практически ничего – общался он только со Сталиным и его ближайшим окружением, – ему стало вполне понятно, что на самом деле происходит в стране. Гарри Гопкинс добирался в столицу Советского Союза почти сутки через Скандинавию, сидя в хвостовом отсеке самолета на месте пулеметчика без всякой защиты. Тем не менее разнообразные неудобства не помешали ему сразу же после перелета встретиться с Иосифом Сталиным.

Надо сказать, что оба политика произвели друг на друга сильное и благоприятное впечатление. Сталин потом скажет, что Гарри Гопкинс был первым американцем, с которым он говорил по душам. Деловой откровенный тон советника президента США, его разговор без демагогии и дипломатии с самого начала, видимо, очень понравились советскому вождю.

Гопкинсу же было важно убедиться, что советское руководство, и прежде всего Сталин, настроено на сопротивление немцам до конца, поскольку в мировом сообществе преобладало мнение о том, что максимум через два-три месяца СССР будет разгромлен и сдастся. Между тем у Рузвельта было ощущение, что Россия продержится, и в подтверждение этого президент США в июне 1941 года написал заметку о том, что Советский Союз может сыграть более важную роль, чем просто отвлечение фашистской Германии на Восточном фронте, и тогда исход войны будет другим. В СССР Гарри Гопкинс точно так же удостоверился в этом, увидев несокрушимый боевой настрой в Кремле.

Несмотря на то что Москву уже начали бомбить и город находился на осадном положении, обстановка была в целом спокойной. Как потом докладывал Гопкинс, на него очень сильно повлияла сама фигура Сталина, его хладнокровие и неторопливость. Это наблюдение стало чрезвычайно важным фактом, потому что и американское посольство в Москве, и военный атташе в один голос утверждали обратное – что СССР не продержится против чудовищной немецкой машины.

Разумеется, о втором фронте речи еще не было, он был открыт гораздо позднее. США формально еще не вступили в войну и в стране это конкретно не обсуждалось, хотя было ясно, что Советскому Союзу критически нужна помощь.

В августе 1941 года Гарри Гопкинс отправился на первую встречу Черчилля с Рузвельтом – знаменитую аудиенцию 14 августа на военно-морской базе «Ардентия», когда лидеры двух держав приняли союзническую Атлантическую хартию. Именно там Гопкинс, рассказывая о своих московских впечатлениях, убедил и Рузвельта, и Черчилля в том, что нужно как можно скорее провести в Москве совещание трех сторон по поводу выработки конкретной программы помощи СССР. Безусловно, окончательное решение принимали Черчилль с Рузвельтом, но идея была вынесена Гопкинсом из Москвы и фактически стала первым шагом в создании антигитлеровской коалиции.

Конкретно по всем позициям разговор произошел позже, во время присоединения СССР к Атлантической хартии в сентябре – начале октября 1941 года в Москве, когда из Великобритании приехал Левербрук, а из США – Гарриман. Гопкинса на встрече не было, но эти двое справились со своей задачей. Сталин сразу перешел к делу, отметив, что именно нужно Советскому Союзу для борьбы с немцами и в каком количестве.

Важно заметить, что именно с этого момента зародились еще и личные отношения Сталина с советником президента США. Сталин выделял Гопкинса среди других его западных коллег. Для «отца народов» это был, пожалуй, первый американец после Рузвельта, с которым можно было иметь дело.

В следующий раз Гарри Гопкинс приехал в столицу СССР только в мае 1945-го, перед Потсдамской конференцией победителей, по заданию Трумэна. Разумеется, со Сталиным Гопкинс виделся и в Тегеране, и в Ялте, сопровождая Рузвельта, но в Москве встреч больше не было.

Окончательное решение о Потсдамской конференции, ее сроках и месте было принято во время пребывания Гопкинса в советской столице. Тогда было решено два очень важных политических вопроса.

Первый – польский. До этого шел спор по составу польского правительства. Гарри Гопкинс, как реалист, понимал, что советского преимущества в нем не избежать, и речь шла уже просто о конкретных ялтинских договоренностях. Было ясно, что ядром нового польского правительства должен стать просоветский «Люблинский комитет». Гопкинс телеграфировал об этом Трумэну, и президент согласился.

Второй вопрос был связан с ООН. Советская сторона до последнего упирала на то, что право вето должно распространяться и на процедурные вопросы. Гопкинс объяснил, что на носу конференция в Сан-Франциско, предстоит наметить точную дату и принять уставы. Если бы не эта договоренность, достигнутая во время визита Гопкинса, неизвестно, что бы получилось в итоге. Когда Гопкинс простыми словами объяснил Сталину суть дела, последний с иронией сказал: «Молотов, слушай, из-за какой чепухи мы тут спорим?» – и тут же снял вопрос. Вскоре после данных обсуждений был подписан устав ООН и состоялась учредительная Сан-Францисская конференция.

В годы войны Гарри Гопкинс был для американцев известной публичной фигурой и даже попал однажды на обложку журнала Time. В то же время он имел много противников и недоброжелателей как в политической среде, так и в сфере СМИ. Против Гопкинса проводились многочисленные кампании, на него выискивали компромат, называли Распутиным при Рузвельте. Однако в основном вызывало вопросы его проживание в Белом доме. Несмотря на это, Гопкинса справедливо воспринимали как правую руку Рузвельта, и когда били по Рузвельту, били и по Гопкинсу, потому что знали о его роли, в особенности роли связного в отношениях с Москвой.

С 1942 года Гарри Гопкинс возглавлял так называемый Комитет советского протокола – орган, курировавший ленд-лиз. Распределение ресурсов и принятие ключевых решений Гопкинс взял на себя. Позже он принимал участие во всех важнейших союзнических конференциях, за исключением второй англо-американской Квебекской конференции в 1944 году – тогда Гопкинс был уже тяжело болен. Больше половины 1944 года Гарри Гопкинс провел в больнице, в значительной мере оторвавшись от дел, что привело к угасанию его отношений с Рузвельтом. Только к Ялте он смог поправиться.

Ялтинская встреча лидеров антигитлеровской коалиции стала еще одним достижением Гарри Гопкинса на советском направлении – впервые об этом черноморском курорте как о месте проведения переговоров он заговорил с Громыко, имея предварительную договоренность с Рузвельтом. Гопкинс понимал, что дальше Черного моря Сталин не поедет, поэтому первым выдвинул именно эту идею. Как только Громыко сообщил о предложении Гопкинса в Москву, Сталин воспринял его с энтузиазмом и в дальнейшем отказывался проводить переговоры где-либо еще, так что Рузвельту и Черчиллю пришлось уступить советскому вождю.

Гарри Гопкинс присутствовал на всех переговорах во время Ялтинской конференции, находясь рядом с Рузвельтом, несмотря на то что к концу встречи советник президента чувствовал себя очень плохо. В обратный путь Рузвельт отправился на военном корабле и планировал взять с собой на борт Гопкинса, однако последний попросил отставки по причине плохого самочувствия и самолетом улетел в США, что для Рузвельта стало очень неприятным событием.

Рузвельт как-то сказал: «Понимаю ваше удивление, что я нуждаюсь в этом получеловеке, но когда-нибудь вы, может быть, сядете в кресло президента Соединенных Штатов, и когда это случится, вы будете смотреть на ту дверь и заранее знать, что, кто бы ни вошел в нее, он будет вас о чем-нибудь просить. Вы узнаете, что это за скучная работа – выслушивать такие просьбы, и почувствуете потребность иметь при себе человека, подобного Гарри Гопкинсу, который ничего не хочет, кроме как служить вам».

Служба президенту требовала от Гопкинса отдавать себя целиком. Именно по этой причине после третьей женитьбы советник съехал из Белого дома – зачастую ему просто не хватало времени для семьи, даже завтракал Гопкинс, как правило, с Рузвельтом. Все это, конечно, говорит о президенте США как об эгоисте. Он привык к тому, что люди служат ему беззаветно, а когда они начинали заниматься своими делами, Рузвельт, как правило, отдалял их от себя.

12 апреля 1945 года после внезапной кончины Рузвельта президентом США стал Гарри Трумэн. Уже 13 апреля он пригласил к себе посоветоваться именно Гопкинса, понимая, что никто лучше него не знает реальных проблем в отношениях с Москвой и с Черчиллем. При Трумэне Гарри Ллойд Гопкинс формально оставался советником и помощником президента, но почти сразу же попросился в отставку.

Когда Рузвельт был президентом, Трумэн почти не общался с Гопкинсом и знал о нем лишь по другим делам, особой близости между ними не было. Известно, что и с самим Рузвельтом Трумэн во время своего вице-президентства встречался за ланчем всего дважды.

Для Трумэна, несомненно, была важна конференция союзников в Потсдаме. Президент боялся, что не справится с известными всему миру тяжеловесами международной политики, поэтому решил послать на подготовку к конференции Гарри Гопкинса, чтобы тот предварительно урегулировал все вопросы в интересах США. Так в итоге и произошло. Советник президента своими усилиями подготовил успех Потсдама.

Вторая встреча Гарри Гопкинса со Сталиным состоялась в мае 1945 года. В Кремле устроили большой прощальный банкет, где советника президента США, приехавшего с женой, буквально завалили подарками. Правда, Гопкинс строго наказал жене не брать ничего ценного: он знал, что потом в Америке это обернется против него. В итоге у него было шесть бесед со Сталиным, каждая из которых длилась не меньше полутора-двух часов.

Сохранились записи приема, где Сталин и Гопкинс обсуждали многие вопросы. Начали с обид – Гопкинс приехал, озабоченный ухудшением советско-американских отношений, а действия СССР вызвали его критику. Сталин высказал встречные претензии. «Вот это внезапное прекращение вами ленд-лиза, как это могло произойти? Мы что, вам больше стали не нужны после победы над Германией?» – спросил Сталин. В ответ на это Гопкинс поспешил успокоить советского вождя.

Интересен призыв Сталина к Гопкинсу и через него к Трумэну, что США не должны сокращать свою роль в мире, оставаясь великой мировой державой. Разумеется, советский вождь играл здесь на англо-американских противоречиях, так как к тому времени англичане уже настроились по отношению к СССР довольно жестко. Надежда была на другую позицию американцев, на Трумэна, на доброжелательное по отношению к СССР окружение американского президента, состоявшее из соратников Рузвельта, на людей типа Гопкинса.

На Потсдамской конференции дела от имени США вел Гарри Трумэн. Гопкинс уже был дома: он ушел в отставку, вернувшись из Москвы. Эта миссия оказалась для него последней. Однажды Гопкинс, который ужасно тогда себя чувствовал, сказал послу Майскому: «Знаете, я взял отпуск у смерти». Гарри Гопкинс скончался в январе 1946 года в возрасте 55 лет.

Личность Гарри Гопкинса и по сей день привлекает внимание: о нем говорят в учебниках по истории, о нем пишут книги и биографии. Впрочем, его противники до сих пор ведут активные споры, считая, что либерал Гопкинс тратил деньги бюджета впустую и был при этом просоветски настроен. Однако главная заслуга этого человека заключалась в создании анти-гитлеровской коалиции, без которой победа над фашистской Германией была бы невозможна. Кроме того, судьба Гопкинса свидетельствует: не бывает великих президентов без великих помощников.

2. Шарль де Голль

Юрий Рубинский, *руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН*

Генерал Шарль де Голль, глава «Сражающейся Франции», человек, создавший новую французскую конституцию и новую Францию – Пятую республику. Что стало его звездным часом – война, Пятая республика или президентство? Несомненно, все перечисленное: без войны и Сопротивления не было бы президентства.

Если бы не Вторая мировая война и то, что во время этой войны произошло с Францией, Шарль де Голль, разумеется, не вырос бы в фигуру, которая во французском политическом мире двух столетий считается следующей по важности после Наполеона Бонапарта.

Жорж Клемансо – отец французской победы в Первой мировой войне – как-то сказал о Наполеоне: «Не говорите мне никогда об этом человеке, он положил два миллиона французов и вернул Францию меньше, чем ее получил». О де Голле этого сказать нельзя. Напротив, проигранную войну Шарль де Голль превратил в победную, прежде всего на уровне национального сознания самих французов. Капитуляция перед Гитлером в 1940 году была, вероятно, самым драматичным эпизодом во всей тысячелетней истории французской нации – со времен Столетней войны, когда стоял вопрос о дальнейшем существовании Франции и ее жителей. Не менее трагичным событием стало поражение во Франко-прусской войне 1870 года, оставившее ужасный след в душе каждого француза.

Генерал Шарль де Голль

В 1940 году, когда Франция не просто капитулировала, а была разгромлена, разделена немцами и затем оккупирована вся целиком, ее будущее как великой страны, во многом определявшей судьбы Европы и мира, виделось туманным. В сознании французов ощущение национальной катастрофы было очень сильным.

Шарль де Голль, прежде абсолютно никому не известный, кроме очень узкого круга военных и политических специалистов, за годы войны и позора постепенно вырос в фигуру общенационального масштаба. Безусловно, и до этого он проявил себя превосходным военным практиком и теоретиком.

В чем заключалась оригинальность его взглядов как военного теоретика и военачальника для межвоенных времен? Шарль де Голль выступал за создание бронетанковых войск,

несмотря на то что раньше танки выступали просто в качестве элементов общевойсковых соединений. Стоит отметить, что предлагал это не один де Голль. Однако, если говорить откровенно, французский генерал недооценил главную новацию Второй мировой с военной точки зрения – комбинацию танковых армий с воздушной поддержкой и артиллерией. Для него основным был именно опыт танковых войск. Война, по мнению де Голля, явилась тем событием, когда человек встретился лицом к лицу с самой эпохой.

Генерал всегда отождествлял себя с Францией. Это был человек, который всю жизнь посвятил идее величия своей страны. Вместе с тем де Голль рассматривал свою роль, как и роль государственных и политических деятелей в целом, в свете идей Никколо Макиавелли. Жесткие, лишенные сантиментов взгляды, сходные с теми, что высказывал знаменитый философ, де Голль изложил в одном из своих первых печатных произведений – книге «На острие шпаги» (1932).

В предвоенный период Шарль де Голль служил секретарем Высшего совета обороны, председателем которого был легендарный маршал Петен. Именно ему де Голль посвятил свою первую книгу, однако впоследствии они политически резко разошлись. Петен был маршалом и победителем в Первой мировой войне, а де Голль – лишь полковником. Генералом он стал в марте 1940 года, получив в правительстве место госсекретаря – или, иными словами, заместителя министра обороны. Так в 50 лет де Голль вышел за рамки просто военного специалиста, однако в политике он непосредственно не участвовал.

В июне 1940 года Шарль де Голль отказался принять капитуляцию Франции, хотя дело было уже решенным. Английский генерал Спирс, находившийся в то время в Бордо – месте, где располагалось французское правительство Петена, – увез де Голля в Лондон. Известно, что Черчилль был крайне разозлен этим фактом – свою реакцию этот выдающийся политический деятель аргументировал тем, что де Голля никто не знает. Черчиллю важно было найти фигуру, которая стала бы олицетворением Франции, человека, за которым пойдут французы и на которого можно опереться в вопросах, интересующих английского премьер-министра. Конкретно к таким вопросам относились судьба флота и судьба империи – то, что еще не было под контролем у немцев, а также судьба человека, которого можно было использовать.

18 июня 1940 года де Голль самочинно выступил по радио ВВС, сказав важнейшие вещи, подавляющему большинству французов казавшиеся уже невозможной мечтой. Он заявил, что Франция проиграла сражение, но не проиграла войну, потому что эта война – мировая. К слову, в это время ни СССР, ни США еще не вступили в войну. Тем не менее сказанное де Голлем было не просто фигурой речи – это было его глубокое убеждение. Именно здесь он проявил безусловную дальновидность. Де Голль словно предвидел будущее и был уверен, что судьбу Франции решит не капитуляция, а совместная борьба крупнейших сил в мире, способных сломить хребет гитлеровской машине.

К немцам у де Голля имелись личные счеты еще и потому, что в годы Первой мировой он побывал у них в плену. Позднее французский генерал опишет свои впечатления об этом в книге «Раздор в стане врага». К слову, ни в коем случае нельзя считать де Голля узколобым шовинистом или германофобом. Вне всякого сомнения, будущего лидера Франции можно было назвать националистом, но это был националист высокого класса, который не ненавидел Германию, а любил Францию. Это был человек, воспитанный в духе реванша за поражение 1870 года, и он прекрасно знал по Первой мировой войне, что собой представляли военные действия с немцами.

Отношение де Голля к Германии всегда сводилось к единственному вопросу: как Германия и Франция могут построить наиболее выгодные для последней отношения. Подтверждением этого стали события после 1958 года, когда французский генерал вернулся к власти. В то время произошло сближение и примирение Франции с Западной Германией, закрепленное знаменитым Елисейским договором, который был подписан лидерами двух стран (де Голлем и

Аденауэром) в 1963 году. Судя по всему, де Голль был твердо убежден в том, что разделенная Германия не представляет угрозы и, более того, может стать политическим козырем в руках Франции.

Генерал придерживался классических, ортодоксальных взглядов на экономику, хотя и говорил, что интендантство набирает обороты. В целом первый президент Пятой республики осознавал необходимость европейской интеграции и мог трезво оценить пользу от нее – но такая объединенная Европа, по его мнению, могла быть построена лишь на основе межгосударственных отношений при сохранении суверенитетов стран-участниц. У Шарля де Голля был на этот счет конкретный план – «План Фуше» – консультативный пакт, ядром которого стал франко-германский Елисейский договор, действующий до сих пор.

Важный для истории вопрос: в какой степени де Голль был создан самим де Голлем? Или же можно сказать, что политик де Голль – это проект Черчилля и Англии? Изначально для Черчилля второе утверждение было бесспорным. Он действительно считал, что Шарль де Голль будет просто его марионеткой. Однако француз так не думал. Однажды во время разговора с де Голлем по вопросам практического порядка британский премьер-министр бросил в сердцах, что если Англии надо будет выбирать между сушей и открытым морем, то она всегда выберет море. Это фактически означало, что если Черчиллю надо будет выбирать между де Голлем и Рузвельтом, то он выберет Рузвельта. Затем англичанин, войдя в раж, заявил, что Правительство Его Величества содержит не только французскую армию и администрацию, но и платит за их же штаны. На это де Голль совершенно хладнокровно ответил, что слишком беден, чтобы склонять голову, и поэтому другого поведения от него ждать не стоит.

Уже после окончания военных действий Черчилль говорил, что из всех крестов, которые он нес во время войны, самым тяжелым был лотарингский, – подразумевая под этой метафорой де Голля. Премьер-министр Великобритании воспринимал как постыдный тот факт, что французский генерал вел себя не так, как ему хотелось, – потому что Черчилль действительно многое вкладывал в де Голля. Тем не менее француз сумел доказать, что его кандидатура была единственным возможным решением для Лондона, – и ему понадобилось большое дипломатическое и политическое мастерство и личное мужество, чтобы внушить британцу эту уверенность.

Еще более напряженные отношения у Шарля де Голля складывались с Рузвельтом, который попросту не выносил генерала. Разумеется, дело было не в том, что француз и американец не сошлись характерами. Для Рузвельта главным было то, что Франция фактом своего поражения и капитуляции перед Гитлером сама вычеркнула себя из списка великих держав. Более того, американский президент считал, что после окончания Второй мировой войны и СССР окажется настолько измотан, что оглядываться на него не имеет смысла, – так что самым важным событием в этот момент будет конец британской колониальной системы, а главным «наследником» британской мировой гегемонии станут Соединенные Штаты Америки. Несомненно, Черчилль очень этого боялся, однако первым кандидатом на утрату статуса империи все-таки была вторая по рангу Франция.

В силу всех этих обстоятельств стремление де Голля представлять не просто Францию, а Французскую империю выглядело для Рузвельта совершенно неприемлемым. Поэтому американский президент пытался навязать французскому генералу оккупационную администрацию, как в Италии, воевавшей на стороне гитлеровской Германии. Де Голль решительно возражал, говоря, что этого не будет.

32-й президент США абсолютно твердо вел дело к тому, чтобы Франция стала просто обычной, освобожденной от оккупации страной. Именно поэтому, стремясь избежать такого унижительного для Франции сценария, де Голль добился того, чтобы Париж в 1944 году освобождали не англо-американские войска, а французская 2-я бронетанковая дивизия вместе с участниками Парижского восстания. Откуда Франция взяла вооружение? И англичане, и аме-

риканцы снабжали вооруженные силы «Сражающейся Франции», и де Голль не мог этим не воспользоваться.

В итоге, несмотря на очевидную неприязнь со стороны американского лидера к самому де Голлю и к Франции, какой де Голль ее видел, генерал все же заставил Рузвельта поддерживать его точку зрения. Это стало его важнейшим достижением: по итогам войны усилиями де Голля Франция вошла в число четырех великих держав-победительниц, ответственных за судьбу Германии.

Поначалу французы не получили свою оккупационную немецкую зону, но затем Сталин все-таки выделил ее, прокомментировав: «За ваш счет, за счет остальных западных держав». Однако самым главным в этой ситуации оказалось то, что Франция имела теперь полноценный голос вместе с США в контрольном совете по решению вопросов будущего Германии.

Нет другого человека, которому Франция была бы больше обязана вхождением в круг держав-победительниц, кроме генерала Шарля де Голля и той твердой политической линии, которой он придерживался. Роль Сталина была, безусловно, велика, но и советский вождь не слишком высоко оценивал вклад Франции в победу.

В 1944 году де Голль приехал в СССР, чтобы подписать от имени Франции соглашение о дружбе и сотрудничестве. Разумеется, Сталин стремился извлечь из этого визита наибольшую выгоду, в том числе и в решении польского вопроса. Надо сказать, что у де Голля и Сталина имелись общие воспоминания о Польше: в 1920 году они оба находились там по разные стороны баррикад. Француз был советником генерала, консультировавшего польскую армию, воевавшую в то время против СССР, а Сталин был членом военного совета наступавшей на Варшаву Красной армии. Теперь же они сошлись как два политика – но той войны никогда не забывали.

Сталин считал, что в сложившейся ситуации французскому генералу не остается ничего другого, как удовлетворить пожелания советской стороны, – уж слишком очевидным было соотношение сил. Поскольку между двумя войнами Франция была союзницей Польши, глава советского государства хотел, чтобы французы признали промосковский «Люблинский комитет». Это подорвало бы позиции лондонского эмигрантского правительства, с которым Франция продолжала поддерживать отношения. Однако де Голль практически не пошел на уступки: он согласился лишь на то, чтобы послать в Люблин комиссию по репатриации французских граждан и военнопленных во главе с Кристианом Фуше. Большого Сталин от него не получил.

В то же время де Голлю ясно дали понять, что, если Франция будет вести себя без должного понимания общих интересов, ей придется присоединиться к советскому договору с Великобританией. Для будущего президента Пятой республики это, конечно, было абсолютно неприемлемо. Тем не менее Сталин должен был решить: отправить де Голля без договора или все-таки подписать его. Во время переговоров произошел примечательный случай: ночью Сталин повел де Голля в кинозал смотреть трофейный фильм. Вдруг генерал встал в темноте со своего места и сказал: «Маршал, благодарю вас за гостеприимство, я поехал». Советский лидер несколько опешил, так как к подобным манерам в отношении себя не привык, поэтому велел Молотову вернуть француза, что тот и сделал. После, на заключительном ужине, Сталин произнес тост: «Я ценю людей, которые умеют сопротивляться». Из его уст такие слова можно было услышать не о каждом.

В конечном счете советский вождь пришел к выводу, что в интересах СССР будет не загонять Францию в угол, а встроить ее в баланс сил державой-победительницей, на равных с Великобританией и США, – несмотря на то что его расчет по польским делам не оправдался.

Верно ли, что для Сталина де Голль был той фигурой, через которую он играл против своих «друзей» по коалиции англо-американцев, понимая, что француз не третий человек на той стороне и что генерал во многом сделал ставку на лидера СССР, чтобы ввести Францию в так называемый клуб победителей? Во многом это так и есть, хотя Сталин так и не смог про-

стить французам капитуляцию, разрушившую весь его внешнеполитический прогноз в 1940 году. Но почему в таком случае посадить де Голля за стол победителей согласились Черчилль и Рузвельт? Каков был их расчет?

Освобожденная от гитлеровской оккупации Европа была крайне нестабильна, в ней возросло влияние левых сил, в том числе и коммунистов. Это происходило не только на востоке Европы, где располагалась советская армия, но и во Франции и Италии, где компартии были тогда ведущими по числу голосов. Для того чтобы стать признанным лидером движения Сопротивления, де Голль пошел на то, чтобы включить в лондонский комитет «Сражающаяся Франция» (к тому времени выполнявший функции правительства Французской республики) двух коммунистов. С его стороны это был грамотный политический шаг, который в дальнейшем себя оправдал.

У коммунистов же сложилось плохое отношение к генералу, на которого они всячески жаловались советскому послу. Однако тот факт, что Сталин попросил де Голля амнистировать лидера французских коммунистов Мориса Тореза, прошедшего войну в Москве и осужденного за дезертирство, говорит о многом. Генерал пошел на то, чтобы Торез имел возможность вернуться во Францию и занять свое место во главе партии, сыгравшей значительную роль в движении Сопротивления во время оккупации.

Через движение Сопротивления Шарль де Голль фактически сумел воссоздать французское государство, которое было низведено до придатка германской оккупационной администрации в Виши. Кроме того, в процессе воссоздания государства де Голль опирался на французскую Африку. Однако не стоит забывать, что колониальная администрация долгое время находилась в Виши, в руках маршала Петена, так что де Голлю пришлось приложить массу усилий, чтобы переманить французские колонии на свою сторону. Вплоть до Индокитая в их администрациях было слишком много «вишистов». В 1944 году в Бразавиле генерал произнес очень важную речь, в которой сделал намек на возможность реформирования империи и замены ее более равноправной ассоциацией.

Империя в планах де Голля и в его деятельности сыграла большую роль. Безусловно, вес Франции в глазах ее западных союзников, Великобритании и США, во многом подкреплялся статусом мировой империи. Проблемой, чрезвычайно беспокоившей Черчилля в начале войны, оставалась судьба французского флота – английский премьер-министр боялся, что флот попадет в руки немцев (что было опасно для Англии). Более того, Черчилль предлагал французам увести флот подальше, но это не было сделано, и в результате в июле 1940 года британцы потопили французские корабли, дабы те не достались немцам. Для де Голля, который к тому моменту уже находился в Лондоне, случившееся стало катастрофой.

В 1945 году была предпринята попытка германского контрнаступления в Арденнах, и французы активизировались на советско-германском фронте, чтобы облегчить положение союзников. Дуайт Эйзенхауэр, командовавший союзными войсками, решил в тактических целях отступить от Страсбурга, который уже был освобожден, на что де Голль решительно возразил: «Нет, этого не будет». Генерал насмерть стоял за то, чтобы Страсбург был спасен.

Известна нелюбовь де Голля к Америке. Чем она была вызвана? Была ли она в большей степени связана с тем, что Рузвельт не ценил французского генерала и не видел Францию в числе великих держав? Или это был его природный антиамериканизм?

С одной стороны, де Голль прекрасно понимал, что планы Людовика XIV, Наполеона Бонапарта или Жоржа Клемансо сделать Европу французской вотчиной были изначально неосуществимы. Тем не менее он хотел видеть Францию противовесом США, страной, играющей лидирующую роль в европейском центре сил. Это было важнейшим элементом мировоззрения француза и его анализа ситуации в мире. Шарль де Голль всегда был убежден, что режимы приходят и уходят, а нации остаются. Он считал, что есть США, есть Россия, есть Китай и есть Европа. Если после катастрофы двух мировых войн одной Франции вряд ли под

силу будет претендовать на самостоятельную роль в мире при решении глобальных вопросов, то при опоре на единую Европу это вполне возможно. Можно сказать, что антиамериканизм де Голля был геополитическим.

Однако преувеличивать антиамериканизм де Голля и французов в целом все-таки не стоит. Можно вспомнить множество событий в истории, когда французы и американцы были вместе. Так, во всех решающих эпизодах холодной войны де Голль проявил себя как верный сторонник союза с Соединенными Штатами – и по «Берлинскому вопросу», и во время Карибского кризиса, когда он совершенно твердо и публично поддержал Кеннеди и США. Французский генерал исходил из того, что американцы на заключительном этапе обеих мировых войн вступали в бой на стороне Франции, и, соответственно, возлагал ответственность за безопасность Франции и Европы в целом перед лицом нацизма, гитлеровской Германии и Советского Союза на мощные США.

Де Голль считал государства холодными чудовищами – следовательно, места для чувств и сантиментов в международной политике не должно быть, все отношения базируются исключительно на интересах стран. Если сотрудничество необходимо, то в этом союзе Франция должна сохранять возможность сказать «нет» своему союзнику, что французский генерал неоднократно демонстрировал. Это не было для него вопросом самолюбия, несмотря на то что авторитет государственной власти внутри страны, ее легитимность во многом зависели от международного авторитета и признания. Одновременно с этим де Голль в какой-то мере осознавал, что американцы в случае чего могут пожертвовать своими союзниками и вовлечь их в ситуации, не отвечающие интересам Франции. Двойственное отношение к союзам всегда было присуще де Голлю как человеку, верившему в то, что Франции не будет без суверенитета, потому что вся ее история строилась вокруг государства и его мощи.

Французская нация, в отличие от многих европейских, строилась не снизу, а сверху, через государство, через политический фактор. Именно исключительная историческая роль государства во французской экономике и администрировании очень импонировала многим русским мыслителям, государственным деятелям, правящим лицам. Петр I, несмотря на то что он привносил в Россию западные образцы поведения, моды, строительства, образования преимущественно не из Франции, а из Голландии, побывав во время своей европейской поездки в Версале, многим заинтересовался. Поэтому, несомненно, с культурной точки зрения Россия и Франция имеют массу точек соприкосновения и во многом взаимно дополняют друг друга, хотя и поразительно различаются по очень многим параметрам.

В мировой истории Шарль де Голль навсегда останется как яркий человек, примечательный во всех отношениях. Француз отличался внушительным ростом – 193 сантиметра, – но не только это привлекало к генералу внимание общественности. По воспоминаниям современников, куда бы ни пошел де Голль, он всегда перетягивал на себя центр внимания. Чего стоит только примечательный случай, произошедший в Большом театре, в правительственной ложе, где были кроме генерала советские вожди Брежнев, Косыгин и Подгорный. Де Голль подошел к барьеру и сделал свой знаменитый жест «V» – вытянутые длинные руки, означавшие победу. Весь зал встал и устроил бурную овацию. Реакцию зрителей нельзя было назвать политическим жестом – это был искренний показатель того, что здесь, рядом с ними, находится великая историческая фигура, которую необходимо уважать. Такое же ощущение Шарль де Голль вызывает у потомков и по сей день.

3. Послевоенный Сталин

Олег Хлевнюк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ «Высшая школа экономики»

Закончилась война. В целом, несомненно, Сталин чувствовал себя победителем, и для этого были все основания. Враг был действительно разбит, СССР официально признан ведущей мировой державой, воевавшей в коалиции с другими мировыми державами. Сталин получил то, чего добивался безуспешно все предвоенные годы. Ведь достаточно вспомнить Мюнхен 1938 года, когда его просто не приняли в расчет и не пригласили на переговоры, что свидетельствовало о том, что дела мирового порядка могли решаться без Советского Союза. И вот ситуация прямо противоположная: ничто уже не могло происходить без согласования позиций с Москвой.

Что касается самого Сталина, то он, конечно, сильно устал за годы войны. Это достоверно известно по воспоминаниям его дочери, да и сам он сразу же уехал в отпуск, и по стране ходили слухи, что он очень плох. В то же время он, конечно, понимал, что так же плохо себя чувствует вся страна, понимал, как много было отдано для победы. По документам складывается впечатление, что первое время после войны он искал, каким образом примирить два абсолютно очевидных факта: с одной стороны, победа, с другой – победа, доставшаяся страшной ценой. Какую равнодействующую здесь найти во взаимоотношениях с обществом, с народом, каким языком говорить с людьми?

В мае 1945 года вождь СССР произнес известную речь, в которой сказал: *«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой.»*

Иосиф Сталин в президиуме XIX съезда КПСС

Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!»

Выступление Сталина произвело огромное впечатление на страну и ее жителей.

После своего заявления советский вождь стал получать письма, в которых люди спрашивали, о каких ошибках говорил Генералиссимус Советского Союза, что было во время войны правильно сделано, а что нет. Складывалось впечатление, что Сталин действительно искал новый способ построения взаимоотношений с советским народом, пытался добиться своего рода примирения с ним.

Фраза о том, что другие бы прогнали власть, по сути, должна была повлечь за собой анализ того, как действовало советское руководство, однако до этого не дошло.

Сталин, с точки зрения его личной власти, после ВОВ вышел еще более сильным, чем он был до войны. Все это происходило, безусловно, на определенном фоне. В Америке умер Франклин Рузвельт и, соответственно, сменился президент, в Великобритании не избрали Черчилля, который пользовался колоссальным авторитетом, и, казалось бы, страна должна быть ему благодарна за то, что он сумел одержать такую победу.

Разумеется, все это проецировалось на самого Сталина. Ему пришлось несколько изменить систему высшей власти во время войны, он вернулся в определенной степени к образцам коллективного руководства, которые наблюдались в 20-е – начале 30-х годов. За все время военных действий Сталин не репрессировал ни одного члена Политбюро, ни одного из своих соратников, хотя до войны это было распространенной практикой. Последователи советского

вождя получили достаточно большую административную власть в рамках своих полномочий. Однако сразу же после войны Сталин в значительной мере изменил военную систему высшего руководства.

В конце 1945 года Сталин уехал в отпуск, и в этот момент начали появляться различного рода сообщения зарубежных агентств о том, что ходят слухи о болезни Сталина, что вскоре после него преемником будет назначен либо Молотов, либо Жуков. Данная информация весьма раздражала советского вождя, что подтверждается многочисленными жесткими выговорами в адрес его соратников. Сталин нередко посылал гневные сообщения прямо с юга, заставляя своих товарищей признавать ошибки, чего во время войны практически не было. Соратники послушно писали Сталину письма с извинениями и оправданиями.

Как только Сталин вернулся из отпуска, он нанес удар по Маленкову и Берия. Снял с должности руководителя Наркомата госбезопасности СССР Меркулова, человека Берия. Было организовано «Дело авиаторов», последовали аресты руководителей авиационной промышленности, которую курировал Маленков. Сталин отстранил Маленкова от руководства Секретариатом ЦК и ввел в руководящую группу ленинградцев Жданова и Вознесенского, которые во время войны несколько отошли на второй план. Совсем скоро советский вождь вернул страну к той системе власти, которая сложилась до войны, более жесткой, репрессивной по отношению к своему окружению и населению.

Однако дальнейшие события показали, что такие опалы имели все же ограниченное значение. Из всех членов Политбюро после войны был репрессирован только Вознесенский, которого расстреляли по «Ленинградскому делу». Был расстрелян также его подельник, секретарь ЦК Кузнецов. Остальные члены Политбюро находились в своеобразном подвешенном состоянии, так сказать, на грани возможного ареста. Это был основной метод сталинского политического манипулирования после войны.

Многие историки из Санкт-Петербурга говорят, что после войны у Сталина развилось нездоровое отношение к Ленинграду, однако отсутствуют достаточные данные и официальные документы, объясняющие, почему это на самом деле могло произойти. Совершенно очевидно, что такая предвзятость была вызвана, с одной стороны, эмоциональным порывом, когда советского вождя что-то не устроило или не понравилось, а с другой, разумеется, во всем этом был определенный политический расчет.

Что касается эмоционального порыва, то нет сомнений, что Сталин не совсем любил Ленинград, потому что город постоянно был фрондирующим и оппозиционным еще со времен Зиновьева. Разумеется, Сталина возмущало, когда советскому вождю стали докладывать, что ленинградцы позволили себе, к примеру, провести всероссийскую ярмарку без соответствующего согласования в ЦК. Впрочем, потом выяснилось, что согласование все-таки было, однако кто-то неосторожно стал говорить о том, что в Ленинграде есть свои чересчур самостоятельные руководители и шефы – Кузнецов и Вознесенский.

Также существует точка зрения, что помимо эмоциональных порывов атака Сталина против ленинградцев была устрашающим примером для всего советского чиновничества. Необходимо сказать также, что при этом Сталин не ломал и не собирался ломать систему патрон-клиентских отношений в руководящих верхах, потому что фактически вся структура власти строилась именно на ней. Скорее это был сигнал о том, что такая система по-прежнему имеет право на существование, но должна находиться в четко обозначенных вождем пределах.

Сам Сталин символизировал собой две ипостаси: с одной стороны, он был генеральным секретарем ЦК, с другой – с мая 1941 года занимал пост председателя Совнаркома, а с 1946 года – Совета министров.

Безусловно, существовала определенная игра, основанная на противопоставлении партийного и государственного аппарата, в том смысле, что они друг за другом в какой-то мере наблюдали. Однако главными рычагами сталинской власти были, во-первых, партия, а во-вто-

рых, госбезопасность, чем он постоянно и манипулировал. Сталин позволил органам государственной безопасности провести достаточно серьезную чистку в партийном аппарате до войны, но после нее чекисты почти не работали в партийном аппарате. В 1939 году было принято постановление о запрещении вербовки агентуры в партаппарате.

Более того, органы госбезопасности периодически подвергались чисткам, которые проводились руками партийного аппарата, например, когда в 1951 году был арестован министр госбезопасности Абакумов. Характерно, что Сталин назначил новым министром госбезопасности Игнатьева, который был партийным работником и не имел никаких связей со спецслужбами.

Общая репрессивная политика после войны оставалась жесткой и массовой, но не достигала тех экстремальных размеров, которые наблюдались в годы коллективизации и в период «Большого террора» 1937–1938 годов. После войны отчасти изменяются цели репрессий, обрушившихся на население западных регионов, которые еще не подверглись тотальной советизации, давно пройденной другими регионами. В первую очередь это касается балтийских стран, где проводились достаточно существенные чистки, в значительной степени стимулируемые партизанским движением.

Большую роль в послевоенной политике Сталина играла кампания борьбы с «низкопоклонством» перед Западом. Многие считают, что Сталин понимал, что миллионы советских людей побывали за границей, увидели многие реальности жизни за занавесом. Любые сравнения были опасны для советской системы. Против таких сравнений, собственно, и была направлена кампания борьбы с «низкопоклонством». Документы показывают, что идея этой кампании впервые была сформулирована Сталиным еще в 1945 году в переписке с его соратниками.

Важной составляющей послевоенного политического курса была также кампания борьбы с «космополитизмом» и связанные с ней такие акции, как «Дело врачей» и Еврейского антифашистского комитета. Очевидно, что тогда наблюдался рост государственного антисемитизма. Некоторые объясняют это тем, что Сталин сам был антисемитом. Однако нужно отметить некоторую упрощенность данной точки зрения: Сталин не был ни сионистом, ни антисемитом, ни грузинским националистом. Он делал то, что было выгодно для укрепления его власти: был диктатором. Советский вождь, судя по всему, почувствовал после войны, что антисиионистская карта может быть удобна для манипулирования общественными настроениями в стране.

К тому времени главным врагом СССР на международной арене стали Соединенные Штаты Америки. Очень многие обращают внимание на то, что и в народе, и сам Сталин во многом воспринимали США как еврейское государство, с сильным еврейским лобби. Существует даже такая крайняя точка зрения, что в противовес США Сталин взял советских евреев в своеобразные заложники.

Однако при этом Сталин сыграл важную роль в том, что образовалось государство Израиль, потому как у него на определенном этапе были надежды на то, что Израиль будет следовать за СССР. Впрочем, этого не произошло, что тоже стало дополнительной причиной для усиления соответствующих взглядов у советского вождя, тем более что произошла переориентация Израиля на Соединенные Штаты.

Что касается «Дела врачей», то, с одной стороны, оно являлось продолжением линии государственного антисемитизма, а с другой – представляло собой своеобразную самостоятельную кампанию. Среди ее участников было большое количество не евреев по национальности: среди жертв этого дела были врачи членов Политбюро, которые лечили их семьи и, соответственно, многое знали о них. Арест этих людей вполне укладывался в общую тенденцию последних месяцев жизни Сталина, когда он старался ужесточить нажим на своих соратников при помощи ареста их ближайшего окружения, в данном случае личных врачей. Никто из партийных работников не представлял, какие показания могут дать врачи в МГБ против своих пациентов.

Характерной чертой послевоенных репрессий было широкое распространение не политических карательных кампаний. Более двух миллионов человек были осуждены по чрезвычайно жестким законам 1947 года за хищения. Под удар данной кампании попадали и те, кто регулярно воровал и был рецидивистом, но также и обыкновенные люди, которых пойти на преступление заставила нужда. Даже прокурор Советского Союза писал Сталину, приводя примеры того, что закон чрезвычайно жесток. Формально это не было политическими репрессиями, однако многие специалисты по советскому праву и советскому государству считают, что люди, подвергшиеся столь жестким преследованиям, были жертвами чрезмерной криминализации советского уголовного права, которое было неоправданно суровым, были жертвами государственной жестокости.

Сохранение репрессивного курса в значительной мере вызывалось тем, что методы восстановления экономики после войны оставались мобилизационными. Новые идеи, безусловно, были: поступали предложения работников экономических ведомств, нацеленные на то, чтобы сделать систему более гибкой. Однако Сталин сохранял приверженность к испытанным мобилизационным методам. Они работали во время войны и обеспечивали достаточно высокие темпы роста тяжелой промышленности. Конечно, в плохом положении находились легкая промышленность и сельское хозяйство. Но это считалось второстепенной проблемой.

Что изменилось после войны? Безусловно, весьма важную роль сыграли репарации, благодаря которым большое количество ресурсов (целые заводы и производственные цепочки) было вывезено, прежде всего из Германии, а также множество людей в качестве трудовой силы. Привезли также сырье, материалы, железнодорожные полотна, паровозы, технологии и даже специалистов. В составе армии принудительного труда, помимо советских заключенных, задействовали большое количество немецких и японских военнопленных.

Разумеется, существование подобной жесткой системы диктовала начавшаяся гонка вооружений, к тому же советский атомный проект требовал колоссальных ресурсов. Так же как и до войны, жесткие методы периодически комбинировались с некими квазирыночными, ярким примером которых является денежная реформа 1947 года, которая очень долго готовилась в Министерстве финансов под руководством Арсения Зверева. После инфляции военного периода денежную массу необходимо было сокращать, для того чтобы деньги играли роль стимулятора и регулятора экономики.

Однако многие реформы, необходимость в которых осознавалась уже при жизни Сталина, так и не были проведены в жизнь из-за его консервативной позиции. Одно из перспективных направлений изучения послевоенного сталинизма – выявление истоков и предпосылок тех преобразований, которые были проведены сразу же после смерти Сталина, но вызревали в недрах сталинской системы. Документы позволяют говорить о том, что такая постановка вопроса вполне обоснованна. К примеру, репрессивная политика и лагерная система, которые были яркими символами сталинской эпохи, буквально в первые недели после смерти вождя прекратили существование в их прежнем варианте. Была проведена амнистия, предприятия, которые строились заключенными, были переданы в другие наркоматы, а сам ГУЛАГ был передан первоначально из МВД в Министерство юстиции. Складывалось впечатление, что все в руководстве страны были к этому готовы.

Разумеется, можно смело говорить о том, что это произошло отчасти из-за восстаний в лагерях, но вместе с тем подобные реформы начались еще до волнений заключенных. Кроме того, восстания были и при Сталине, не такие масштабные, но ГУЛАГ постоянно бурлил: заключенные регулярно организовывали вооруженные побеги и выступления, осуществляли подпольную деятельность. Нужно учесть, что среди осужденных было много людей, имевших фронтовой опыт или опыт партизанской борьбы.

При изучении сохранившихся фондов Главного управления лагерей Министерства внутренних дел часто встречается информация о том, что министерские чиновники периодически

предлагали своему руководству что-то сделать с ГУЛАГом. Выдвигались идеи отпустить часть заключенных, значительную их часть перевести на систему поселений в отдаленных районах.

Все подобные проекты тормозились. Скорее всего, их даже боялись представлять Сталину, зная его позицию. Подобная ситуация складывалась и в отношении известных реформ в деревне. Только после смерти Сталина удалось снизить нажим на крестьян, в частности налоговый. Хотя такие меры обсуждались еще при Сталине. В общем, сталинская система во многих своих ключевых составляющих не пережила вождя.

4. Гитлер: анатомия зла

Елена Съянова, *историк, писатель;*

Сергей Бунтман, *первый заместитель главного редактора радиостанции «Эхо Москвы»*

Почему зло возникает в разных обликах, но так часто среди достаточно умных и образованных людей (и это не обязательно один только Гитлер)? В той же межвоенной Германии (1918–1939) были разные люди: умные и не очень, смелые и трусливые, но вполне человекоподобные. Вдруг из этого всего вырастает какое-то чудовище. Как это происходит?

Занимаясь столько лет изучением нацистской Германии, мы нередко задавались подобными вопросами. Всегда народ пытается распознать зло и увидеть его корень, однако сказать «человекоподобные» об этих людях, нацистах, нельзя, потому что их самая главная идея была основана на отрицании человека, на человеконенавистничестве.

Мы привыкли видеть этих людей – нацистов – серой отвратительной массой, но когда заходит речь про конкретного человека из их числа, то оказывается, что он окончил школу, институт, что у него есть высшее образование, семья, дети. Удивительно, откуда только берется тогда это коллективное зло?

Разумеется, в какой-то мере удивительно, что на стороне зла порой оказывались люди, впитавшие в себя европейский гуманизм, высокую европейскую культуру, прекрасно владеющие историей, но в то же время творившие ужасные вещи. Например, Роберт Лей просил принести ему в камеру книгу о Гутенберге, просил почитать «Иудейские войны» Иосифа Флавия, и при этом от него самого весьма неприятно пахло паленым, кровью.

В чем заключается «физиология зла»? У человека могут быть любые взгляды, но, к примеру, Лей был абсолютный циник, в нем уживались 523 человека совершенно разных привычек: и пьяница, и бабник, и хороший товарищ, и кто угодно. Многие читатели считают, что Лей – это самая обаятельная, привлекательная и замечательная фигура среди нацистских вождей, в которую можно влюбиться, и почему-то обвиняют историков в том, что порой они влюблены в него по уши. Хочется на это сказать: «Люди, загляните в себя, что вы нашли в нем, какие достоинства? В чем его обаяние? Проанализируйте, почему эти качества и его поведение вызывают в вас положительные эмоции».

Адольф Гитлер в 1945 году

Может, ответ в том, что он был человеком, который постоянно чем-то занят, постоянно что-то делает. Лей был обаятелен в том отношении, что он не был таким отталкивающе мрачным, как Гитлер. Так же и Геббельс, который чудесно писал, прекрасно и легко. Однако все они были тяжелые люди, душевно раненные: артистическое поведение, при этом жутко искореженное нутро. У них у всех была черная душа, которая не всегда была заметна сразу.

Что они находили друг в друге? Безусловно, речь идет о целом наборе качеств. Однако бывают и случайности: такие люди были абсолютно разными. Объединяла всех их идеология нацизма, именно она была стержнем их личности и политики. Выстраивается идейная линия, на которой они стоят и идут друг за другом, при этом никто из них не знает, что с ними произойдет в конце, несмотря на всеобщие известные факты. Идеологией партии задаются их характеры, а дальше они ведут себя так, как им вздумается.

Бывало, совершенно непринужденно Геринг приходил на встречу партии, где нужен был именно такой вот представительный парень, летчик, хороший фронтовик, и это нравилось всем: и ему, и генералам.

Почему же эти страшные пороки, эту бесчеловечность не видел народ? Почему нацисты сумели увлечь за собой такое количество людей? Это ведь потрясающий феномен, обсуждение которого всегда остается актуальным. Вероятно, прежде всего потому, что людям всегда и всюду хочется жить проще, сытнее, где-то даже интереснее. Именно это было предложено народу нацистами и громко, как они умели, продекларировано, после чего все начало очень быстро реализовываться на практике. Люди, разумеется, попросту попались на крючок привлекательных обещаний. В 20 – 30-е годы все воспринималось совсем не так, как сейчас: не было понимания грядущего зла. Лев Безыменский как-то задал вопрос: «В какой момент Европа и Соединенные Штаты осознали, что это было? В какой момент лета 1945 года?» Когда шел Нюрнбергский трибунал, работали следователи, психологи, велись допросы, там принимала

участие пресса, которая не была индифферентной в подобных вопросах и отметила, что все это, безусловно, ужасно, однако не было ощущения пройденного кошмара.

Это был момент, когда русские, американцы, французы и англичане собрали все, что было снято о концлагерях, об истреблении евреев, о газовых печах, о расстрелах, и показали известный фильм прямо во время Нюрнбергского трибунала. Очень важен был эффект присутствия, ведь можно говорить о чем угодно, но необходимо показать то, что было на самом деле.

Когда фильм был показан в зале трибунала, аудитория пребывала в полнейшем шоке и в абсолютно подавленном состоянии. Вся мировая пресса тогда совершенно поменяла тон своих статей. Сначала они содержали констатацию факта, что происходившее было ужасно, чудовищно, что союзники одержали победу над фашизмом, однако все это находилось в каких-то общих рамках человеческого зла. Затем, когда были показаны кости, бульдозеры, повешенные дети, люди совсем в ином свете увидели весь ужас войны и всю античеловеческую сущность нацистского режима.

В фильме, который монтировали русские совместно с американцами, были необходимы картинки. Когда в фильме «За что мы воюем», снятом Фрэнком Каппой, зашла речь о том, стоит ли военным США ввязываться в войну в Европе, а не только в свою войну с Японией, на экране показали результаты опроса американцев, утверждающие, что 80 % граждан считали, что воевать в Европе было не нужно. Затем показали все, что было известно на 1942 год, сопроводив удивительной анимацией и разложив буквально по полочкам. Фильм, показанный во время Нюрнбергского процесса, также крутили в кино.

Мы часто говорили: «Фашизм не пройдет», – боролись с реваншизмом. Нам казалось это смешным, считалось, что современное послевоенное общество уже никогда не вернется к этому. Однако человечество, оказывается, легко к этому приходит, но уже в другой форме: может быть, это будет не фашизм или нацизм, а что-то другое. Впрочем, возможно, что форма будет ровно той же самой.

Зло не приходит с рогами-копытами, не пахнет серой. Все очень просто: для начала нужно посеять хаос. Чем хуже всем, тем лучше нам, партии, рвущейся к власти – разумеется, с обещаниями восстановления порядка. Затем обязательно последует запрет компартий, всегда четко, так как нацио- и интернацио-антагонистичны. Далее последуют знаки: свастики и зиги. Самый главный опознавательный признак наступающего фашизма – это ткнуть пальцем во врага и обвинить его во всем.

Есть еще один важный признак фашизма: возгоняемый культ предков, культ героев, создание героев, также обязательно должен быть культ героической смерти. Кажется, нацисты и другие ребята, схожие с ними, испортили и испоганили массу замечательных вещей.

Например, такой вещью была свастика. Совершенно мирный солнечный символ, особенно левосторонняя. Известно, что на машине Николая II была свастика, на самолетах, на которых летали в Первую мировую войну русские летчики, включая Нестерова, она также присутствовала. Просто свастика в ту пору обозначала абсолютно другое. Нацисты испоганили не только древние германские руны, но и прежде всего человеческие души: заставили людей быть соглашателями и предателями.

Выходит, что нацисты не показали тот предел, до которого может прийти национализм? Думается, что на данный момент этот предел еще не показан: ведь может дойти до истребления всей планеты по имени Земля. Самое главное, что никакие уроки, никакие закончившиеся войны не являются показательными для человечества. Есть люди, которые интуитивно или в силу своего разума понимают, просчитывают шаги, к чему это может привести, но есть и такой подход: «Мы сделаем то же самое, на чем обжигались другие, но мы сделаем это правильно, не допустим ошибок». Потому человечество и склонно к повторению своих фатальных ошибок.

Очень часто идут разговоры о том, что Германия сумела «сделать глобальную прививку» против нацизма, однако вспыхнувший в дальнейшем конфликт между Израилем и Палестиной повлек за собой взрыв антисемитизма в Европе, в том числе в Германии, причем в открытую. Получается, что подобного рода ксенофобские настроения продолжают гулять в обществе, несмотря на то что «прививка» работает. Просто, по-видимому, она не является стопроцентной панацеей.

«Прививка» эта не на один раз, проблема нацизма не корь и не ветрянка, которой переболел – и все. Нам всем нужно «прививаться» как можно более регулярно, так как болезнь возрождается постоянно.

Самое трудное и противоречивое для понимания – время, когда нацистское движение только-только начинало развиваться и крепнуть. Корни немецкой геополитики прослеживаются с начала XIX века. Причем с определенными ключевыми понятиями – скажем, того самого пресловутого «жизненного пространства».

Преемственность очевидна, ведь даже классическая немецкая поэзия вся пропитана сетованиями на то, как жителям Германии не хватало земли. Им всегда казалось мало пространства – у них был огромный внутренний мир, которому не за что было зацепиться, могучий интеллект, культ романтической души, но при этом отсутствовала почва, на которой можно было бы все это реализовать. К тому же, по их мнению, за границами немецкого ареала обитания жили люди со скудной натурой, земли для которой слишком много. Из этих националистических и романтических корней и вырос в конечном итоге нацизм.

Но вернемся к феномену Гитлера-лидера. Сейчас любят говорить: злой гений. Он гений или же искусственная фигура? Насчет гения – возможно, ведь существует понятие «гений зла». Думается при этом, что гений – это достаточно абстрактная, неконкретная, романтическая категория. Что же касается искусственности Гитлера – это, безусловно, так. Сначала на него сделали ставку близкие друзья, например Гесс. Почему его выбрали? Каждый из людей, сделавших ставку на Гитлера, увидел в нем что-то такое, чего не было в нем самом, как бы он ни пытался. Рудольф Гесс писал об этом открытым текстом, говоря о конкретных вещах, которые были в немецком диктаторе, но отсутствовали у него самого.

В то время еще не было ни Геринга, ни Геббельса. Первоначальное окружение Гитлера состояло из довольно странных людей, но при этом они не были честолюбцами: во многом романтики и во многом патриоты. Они лишь хотели компенсировать немецкое унижение после поражения в войне. Разумеется, для них это унижение было подлинным и непереносимым – ведь их Германия превыше всего; для Гитлера это была не просто красивая фраза, а реальность. Подобные мысли существовали у него всегда, другой жизни он не желал и сделал на это ставку. Он хотел жить и работать для Германии, в то время как его людям нужна была фигура с такими взглядами, которая сможет совершить не только что-то хорошее, что им не дано, но и то, на что они сами пойти не смогут. В том числе они хотели переложить на фюрера ответственность за грязные дела. Для них он был своеобразным тараном, человеком, умеющим пробивать стены, но, безусловно, и фигурой, на которую можно возложить определенную ответственность.

Были и другие люди, способные на сколь угодно плохие и ужасные поступки, абсолютные антисемиты – Штрайхер, Рём. И однако – почему все равно фюрером стал Гитлер? Рём был во многом индивидуалистом, со своим внутренним миром, который он очень берег. У них у всех были семьи, личная жизнь, привязанности, родители, а Гитлер оставался удивительной фигурой, как будто обнаженной, которой не за что держаться в этой жизни. Он был функцией и средством в их глазах: у его окружения было ощущение, что этому человеку нечего терять и он пойдет на все, в отличие от них, в то время имевших в жизни много зацепок и связей, любимых и дорогих людей.

Верили ли они, что он приведет их к власти в Германии? Тогда, в начале 20-х годов, они не думали о власти как таковой. Национал-социалисты поначалу соревновались с другими

партиями, и им лишь хотелось их опередить. Но когда пошли реальные успехи, когда все их слова и мысли пали на питательную почву и семена стали прорастать, тогда они стали вести себя осторожнее. И готовиться к власти.

Прежде всего они уже не позволяли себе так философствовать, как раньше, научились ясно формулировать свои речи, стали завязывать нужные связи. Их объединение принялось поэтапно и аккуратно привлекать в партию капитал, а не просто зарабатывать деньги экспроприациями. Нацисты, оказавшиеся в Рейхстаге, постепенно начали осознавать, что в их руках сосредоточивается власть. Дальнейшее произошло очень быстро, так что простой немецкий обыватель не успел толком ничего понять. Так, первая реакция на нацистов и их приход к власти среди, например, еврейских ветеранских организаций была поразительна: сионисты приветствовали их. Нацисты, в свою очередь, играли на чувствах обрадованных евреев, говоря, что они пришли дать им волю.

Итак, можно ли назвать успех Гитлера народным? Или же он был искусственным, сделанным исключительно нацистской пропагандой? Безусловно, отчасти можно утверждать первое. Знаете, кто бы сейчас мог иметь такой успех? Человек, который не вписывается в общепризнанное и понятное для всех общество, человек из XXII века. Думается, что Гитлер и его компания были скорее людьми конца XX – начала XXI века по степени цинизма, агрессивности и еще массы отрицательных качеств. Они абсолютно опередили свое время – это были политики, которые, как говорил Гитлер, «вломятся, как волк в овчарню».

И они были не одиноки с этим прорывом сквозь любую мораль. В начале XX века так же постарались большевики и многие другие, кто во многом и создал ситуацию, сложившуюся в конце XX столетия, а мы говорим только о нацистах. Получается порочный круг?

Этого, безусловно, не хотелось бы, но точно утверждать обратное невозможно.

Во многом это результат нашей современной пропаганды. Зачастую мы видим Гитлера или Муссолини в определенном свете – как карикатурных персонажей, а не реальные исторические фигуры. Тем не менее эти два человека повели за собой две огромные нации. Гитлер в «Обыкновенном фашизме» Михаила Ромма не карикатурен – напротив, там он реальный. Однако он все равно воспринимался там как карикатура. Даже чисто внешне: прилизанная набок челка, странные усы. Смотришь на него и не понимаешь – как можно было идти за этим человеком?

Сыграли большую роль инновации нацистов в области агитации и пропаганды. Над Гитлером проводилась существенная работа в плане имиджа и пиара: воспитывали, выбирали всей командой, спонсировали. Это тогда было в новинку, и фактически Геббельс создавал теорию и практику возвеличивания фюрера через пропаганду с нуля. Все это сказалось на немцах очень быстро и действенно. Можно сказать, что и нацизм, и самого Гитлера создали абсолютно из ничего. Несомненно, определенный исходный материал имелся, но удивительно, как быстро все произошло. Люди оглянуться не успели, а нацизм уже маршировал повсюду.

Карл Хаусхофер выразился насчет этого очень точно: «Обвиняя возницу, люди забыли, что поводья вручили ему сами». Если обратиться к нашему историческому опыту, то здесь стоит вспомнить слова Сергея Довлатова: «Мы без конца ругаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить – кто написал четыре миллиона доносов?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.